

## Глава 1. Ледяная река

Сгущались ночные сумерки. С обоих берегов доносился тоскливый вой обезьян и глухой рык тигров, а под днищем лодки, тихо журча, струилась ледяная вода.

На носу, широко расставив ноги, сидел лодочник в грубой холщовой робе и остроконечной бамбуковой шляпе-доули. Мелкая, затяжная изморось уже насквозь пропитала его одежду. Подоткнув подол за пояс, он раскурил водяную трубку и шумно затянулся.

Внезапно речная гладь дрогнула, и лодку качнуло на волне.

Лодочник даже не повернул головы.

— Раз ранен, нечего шататься без дела, — глухо бросил он.

У входа в каюту показался молодой человек. С первого взгляда в нём угадывался холёный столичный щеголь: дорогой сычуаньский парчовый халат сидел на нём безупречно, несмотря на то, что сейчас юноша, бледный и измождённый, прижимал ладонь к груди и тяжело опирался на дверной косяк.

— Опять дымишь? — подал голос Хо Ляньюнь. — Узнает твой ученик — несдобровать тебе, точно взбучку устроит.

Хо Ляньюнь был хорош собой той редкой, безупречной красотой, которой позавидовала бы сама луна. Должно быть, именно поэтому ночное светило сегодня так и не показалось из-за туч, уступив ему первенство.

— Не хочешь схлопотать сам — иди и ложись, — отозвался лодочник.

Но Хо Ляньюнь и не думал слушаться. Превозмогая слабость, он подошёл ближе и устроился прямо рядом с ним. Движение далось ему нелегко — рана тут же отозвалась острой болью, заставив молодого человека натужно закашляться.

— Ну так побей меня, — прошептал Хо Ляньюнь.

С каждым его хриплым выдохом горячее дыхание касалось лица лодочника, скрытого в глубокой тени бамбуковой шляпы.

Ответом ему стало резкое движение. Лодочник перехватил длинный чубук и с силой ткнул горячим металлическим мундштуком прямо в правую сторону груди Хо Ляньюня.

На губах Хо Ляньюня всё ещё блуждала легкомысленная улыбка, но в следующий миг она погасла. Удар пришёлся точно по свежей ране. Лицо маркиза смертельно побледнело, и он судорожно качнулся назад, пытаясь уклониться от жестокого давления.

Лодочник наконец поднял голову. Под полями шляпы он посмотрел холодным, пронзительным взглядом, а у самого кончика его брови белел старый, глубокий шрам.

Раздался громкий всплеск. Теряя равновесие, Хо Ляньюнь полетел за борт. Веер холодных брызг взметнулся в воздух, на мгновение притушив рдеющий в темноте уголёк в трубке лодочника.

Лодочник спокойно затянулся снова. Уголёк в трубке едва слышно затрещал и разгорелся с новой силой.

Над тёмной речной гладью разнёсся злой, но прерывистый возглас барахтающегося в воде Хо Ляньюня:

— Всё равно твой маркиз добьётся взаимности, так и знай! погоди у меня, вот оклемаюсь — ещё посмотрим, кто кого разукрасит! Кха... кха... Чёрт бы тебя драл, да помоги же мне подняться!

На воде вздулись и лопнули несколько пузырей. Лодочник хладнокровно подождал, пока Хо Ляньюнь как следует нахлебается речной жижи, и лишь затем лениво опустил в воду длинный бамбуковый шест.

Тусклый, похожий на горошину огонёк светильника сиротливо покачивался в каюте, освещая воспалённую рану на правой стороне груди Хо Ляньюня. Из глубокого пореза уже вовсю сочился жёлтый гной.

Чжао Лои держал тонкое лезвие ножа над языком пламени. Когда металл раскалился докрасна, он, даже не моргнув, вонзил его в воспалённую плоть и принялся методично вырезать омертвевшие ткани.

Хо Ляньюня мгновенно закрутило от невыносимой муки, лицо покрылось крупными каплями холодного пота. Отчаянно нуждаясь в опоре, он мёртвой хваткой вцепился зубами в плечо Чжао Лои, заставив того поморщиться от боли.

Пытка длилась не меньше четверти часа. Чжао Лои, чьи руки действовали с точностью опытного лекаря, наложил повязку. Щедро засыпанный целебным порошком порез наконец перестал кровоточить, зато на его плече сквозь грубую ткань рубахи проступило багровое пятно.

У Хо Ляньюня было тонкое обоняние. Почуввав запах свежей крови и едва держась на ногах от

слабости, он всё же притянул Чжао Лои за плечо и тихо, непривычно мягко попросил:

— Дай посмотрю.

Разглядывая оставленный им же глубокий след от зубов, молодой маркиз не высказал ни капли сожаления. Он перевязал рану со спокойной сосредоточенностью, попутно пытаясь уловить на лице Чжао Лои хоть какую-то эмоцию — будь то глухое раздражение или брезгливость. Однако тот оставался бесстрастен, словно каменное изваяние. Как только с повязкой было покончено, он молча поднялся, вышел из-под навеса и вновь устроился на корме, оставив Хо Ляньюню лишь созерцание своей прямой, неподвижной спины.

Хо Ляньюнь тяжело, со свистом вздохнул. Зажав между указательным и средним пальцами тонкое лезвие метательного ножа, он некоторое время задумчиво разглядывал его холодный стальной блеск, но затем спрятал оружие обратно в складки пояса. Сон сморил его быстро. Лодку мерно покачивало на речных волнах, и его грёзы были такими же зыбкими и качающимися, как сама вода.

Ближайшим к Чжунъаню, величественной столице империи Цинь, был окружной город Линьчжоу. Там, среди прочих заведений, находилась контора «Башня Десяти Направлений». Основным её делом был наём экипажей, а в качестве подработки здешние мастера промышляли охранным ремеслом и сопровождением грузов.

Полмесяца назад в дальнем флигеле заднего двора поселились двое новоиспечённых слуг. Вся остальная прислуга Башни уже была от их соседства — парни были на редкость шумными. Вот и сегодня глубокой ночью за стеной снова поднялся невообразимый переполох. Не выдержав, кто-то из старожиллов нашёл простое решение: взобрался на невысокую, едва ли в два чи высотой, глинобитную ограду и с размаху выплеснул во двор ушат ледяной воды.

Громкие вопли и жалобные стоны за стеной мгновенно стихли.

— Говорил же тебе: не суйся! Опять за своё взялся? Вот вернётся твой наставник, из-за тебя и мне по первое число достанется! — сердито прошипел юный Шуфэн.

Сбавив тон, он без церемоний затолкал влажную тряпку поглубже в рот своему товарищу.

— Сожми зубы и помалкивай! Продёрнешь голос ещё раз — лично придушу!

Ли Мэн, едва державшийся на ногах от дикой боли, испуганно закивал и уставился круглыми глазами на зажатый в руке Шуфэна флакон. Шуфэн приходился ему старшим соучеником, но у него была одна странная особенность: любые снадобья, которыми он пользовался, припекали раны с какой-то утроенной силой. Вот и сейчас, стоило жгучему порошку коснуться ободранной кожи, как Ли Мэн едва не взвился к потолку, в последний момент успев лишь с силой притопнуть ногой.

— Да отцепись ты! — взвыл Шуфэн, которому Ли Мэн со всей силы наступил на ногу. Разозлившись, он бесцеремонно оттолкнул младшего.

Только что обработанное плечо Ли Мэна снова закровоточило. Потеряв равновесие, юноша повалился на циновку, продолжая судорожно сжимать зубами промокшую тряпку.

Только тут до Шуфэна дошло, что перед ним израненный человек. Почувствовав укол совести, он неловко протянул руку, чтобы помочь ему подняться.

Ли Мэн лежал с закрытыми глазами. Лицо пятнадцатилетнего юноши было мертвенно-бледным от потери крови, но после недавней борьбы на щеках проступил лихорадочный румянец. Смотря на него, Шуфэн поймал себя на нелепой мысли: с закрытыми глазами этот упрямец выглядел как-то слишком изящно и хрупко, точно девчонка. От этого сравнения Шуфэну стало не по себе.

Услышав судорожный вздох старшего, Ли Мэн недоумённо приоткрыл глаза и посмотрел на него в упор.

— Чего уставился? В следующий раз сам на дело пойдёшь, я и пальцем не шевельну, чтобы прикрыть! — Шуфэн отпрянул, словно обжёгшись об этот чистый, прямой взгляд, и поспешно отвернулся.

— Старший брат... — тихо позвал Ли Мэн, выплевывая изо рта изодранную ткань. Его голос дрожал от бессилия, а уголки глаз заметно порозовели.

Трагедия семьи Ли Мэна не была тайной для тех четырёх учеников, которых отправили в Линьчжоу в начале года.

Когда-то он был сыном высокопоставленного чиновника — самого министра юстиции. Но после того как весь его клан подвергся безжалостной казни, мальчика спас Чжао Лои — один из самых грозных и таинственных убийц Башни Десяти Направлений, носивший имя свирепого зверя Цюнцзи. Ли Мэн попал к нему в тринадцатилетнем возрасте. За два года обучения он так и не преуспел в боевых искусствах, однако амбиции юноши простирались слишком далеко для его скромных умений.

— Время отомстить ещё придёт, — ворчливо проговорил Шуфэн, стараясь унять странное волнение в груди. Смягчившись, он принялся аккуратнее перебинтовывать израненное плечо соученика. — Для начала отточь мастерство. Как там говорится в умных книгах? «Действуй не спеша, шаг за шагом». Слыхал про такое?

Ли Мэн промолчал.

Снадобье утихомирило острую боль, оставив лишь изнуряющую ломоту во всём теле.

Очередная попытка пробраться во внутренние покои императорского дворца провалилась.

«Когда же наступит день, когда я смогу бесшумно скользнуть в спальню узурпатора и одним точным ударом снести его голову? — Ли Мэн невольно сжал зубы от копившейся злости. — Интересно, если бросить её бродячим собакам, станут ли они её грызть? Завоняется ли она на жару так же быстро, как головы простых людей?»

Разумеется, подобные мысли он мог позволить себе лишь в грёзах. Каждый, кто знал его историю, твердил одно и то же: «Перестань строить иллюзии».

Ли Мэн уткнулся лицом в жёсткую подушку и, убаюканный тупой, непрекращающейся болью, наконец забылся тяжёлым сном.

Утро едва брезжило, когда Ли Мэн бесцеремонно стянул с Шуфэна одеяло.

— Старший брат, вставай. Я принёс свежие баоцзы.

Сонный Шуфэн, не открывая глаз, рефлекторно выбросил вперёд кулак, целясь прямо в челюсть побудчику. Однако Ли Мэн легко уклонился от удара. В первые месяцы тренировок он регулярно собирал лицом подобные приветствия, но после десятка раздувшихся синяков тело само научилось уходить с траектории.

Пока Шуфэн шумно хлебал жидкую, похожую на подсоленную воду рисовую кашу из огромной глиняной пиалы, Ли Мэн прилежно сложил их постели ровными квадратами. Вернувшись к столу, он обнаружил, что осталась лишь порция похлёбки — оба пышных баоцзы старший брат уже умял в одиночку.

Ли Мэн лишь беззвучно шевельнул губами, решив промолчать. Забрав свою пиалу, он отошёл подальше и примостился на каменных ступенях крыльца.

Мытьё посуды, как обычно, легло на его плечи. После этого он привычным движением помог Шуфэну собрать волосы в аккуратный пучок и закрепил у него на поясе короткий меч. Старший соученик с важным видом осмотрел себя в зеркале и, оставшись доволен результатом, вальяжно отошёл в сторону.

Ли Мэн занял его место перед тусклой бронзой. Он не стал утруждать себя сложной причёской: кое-как перехватил непослушные пряди на затылке простой тканевой лентой, даже не заботясь о том, что хвост вышел кривым.

— Твой наставник прибудет сегодня во второй половине дня, так что не вздумай отлынивать, — скомандовал Шуфэн, направляясь к выходу. — Поживее раскидаем товар на пристани и пойдём прогуляемся по городу.

Сегодня им предстояло работать грузчиками на речном причале. Ли Мэн молча шёл следом. Наставник Шуфэна часто говаривал, что этот мальчишка перенял все худшие повадки Цюнцзи — такой же неразговорчивый и хмурый, слова из него клещами не вытянешь.

На самом деле Ли Мэну просто не хотелось тратить силы на пустую болтовню. Он прекрасно видел насквозь фальшивую заботу Шуфэна, который из всех сил разыгрывал из себя авторитетного старшего брата лишь для того, чтобы выведать побольше о Чжао Лои и подлизаться к нему при встрече. Ли Мэн знал это, а потому предпочитал держать язык за зубами.

Этот так называемый «старший брат» достался ему случайно. Шуфэн учился не у Чжао Лои, а у его собрата по оружию, просто начал тренировки на пару лет раньше. К какому именно клану или школе они все принадлежали, Ли Мэн до сих пор не имел ни малейшего представления. Наставник всегда пресекал расспросы на эту тему одной фразой: «Чем меньше людей знают имя школы убийц, тем дольше живут её мастера. Раскрыть школу — значит раскрыть свои приёмы, а это верная смерть».

Они успели перетащить тюки лишь на два судна, как со стороны торговых рядов донёсся встревоженный гул.

На пристань хлынул отряд из нескольких десятков стражников. Солдаты бесцеремонно останавливали прохожих, сверяясь с развёрнутыми свитками. Шуфэн, только что увлечённо болтавший с местным толстяком-торговцем, побледнел как полотно. Схватив Ли Мэна за рукав, он испуганно пролепетал:

— Бежим... Быстрее, уходим!

Ли Мэн нахмурился. Он не был уверен, что ищут именно его, но стоило одному из солдат повернуться боком, как юноша краем глаза уловил очертания рисунка на бумаге. Достаточно было одного беглого взгляда: на портрете он увидел самого себя.

Реакция была мгновенной. Ли Мэн развернулся спиной к страже, подхватил с земли тяжёлый мешок с зерном и, низко опустив голову, зашагал по сходням на ближайшую баржу.

Ошибиться было невозможно — сходство с его собственным лицом было поразительным. Видимо, человек, с которым он столкнулся прошлой ночью, занимал слишком высокое положение в империи, раз столичная канцелярия столь стремительно разослала ориентировки. С трудом удерживая мешок, Ли Мэн лихорадочно оглядывал речную гладь. Неподалёку от кормы баржи покачивался на волнах неприметный ялик.

Дойдя до края палубы, Ли Мэн швырнул ношу стоявшему внизу матросу. Сам же он, не раздумывая, приготовился прыгнуть прямо в подплывающую лодку. Но стоило ему оттолкнуться от борта, как тяжёлый бамбуковый шест с силой опустился ему на плечи, сбив траекторию.

Всплеск от падения тела в воду потонул в многоголосом шуме оживлённой пристани.

Близился конец года, и ледяная вода мгновенно сковала его дыхание. Ли Мэн судорожно ухватился за ударивший его шест, пытаясь вынырнуть, но чья-то нога безжалостно наступила ему на голову, отправляя обратно в холодную бездну.

С каждой секундой воздух в лёгких иссякал. Лицо юноши приобрело багрово-синюшный оттенок, а вчерашний порез на руке от контакта с грязной речной водой запылал невыносимым огнём. Пальцы окоченели и едва удерживали скользкий бамбук. Странно, но неведомый противник не пытался проткнуть его шестом насквозь — его словно просто удерживали под водой, не давая подняться.

С трудом приоткрыв глаза под водой, Ли Мэн заметил качающийся на поверхности пучок сухих камышовых стеблей. Кое-как дотянувшись до них, он вытащил две полые соломинки, зажал их губами, а противоположные концы выставил наружу, жадно ловя тонкие струйки воздуха.

В глазах уже плясали огненные искры. Юноша мысленно проклинал измывавшегося над ним лодочника, пообещав себе, что когда выберется на сушу, изобьёт негодяя так, что родная мать не узнает.

До его слуха доносился приглушённый гул голосов с берега, но в ушах так сильно звенело, что разобрать слова было невозможно. Когда тело окончательно онемело от холода, шест в его руках резко рванулся вверх.

Ли Мэна буквально выдернуло из воды. Яркий солнечный свет ударил по глазам. Словно выброшенная на берег рыба, он беспомощно повалился на мокрые доски палубы, судорожно хватая ртом воздух и заходясь в сильном кашле.

— Стоило увидеть этот портрет, как я сразу понял: наш малец опять вляпался в неприятности. Ну же, поднимайся, — раздался над ухом знакомый, насмешливый голос.

Ли Мэн, всё ещё дрожа от холода, приподнял голову. Протянутая ему рука принадлежала человеку, чьё лицо сейчас казалось необычайно бледным. Превозмогая смущение, юноша ухватился за ладонь Хо Ляньюня.

— Ш-шишу... — пробормотал Ли Мэн. Его уши вспыхнули пунцовым цветом. Он поспешно отвёл взгляд от красивого лица маркиза.

— Живо скажи своему учителю, чтобы сегодня ночью он составил мне компанию в качестве платы за спасение, — лениво протянул Хо Ляньюнь. — Тогда ваш покорный слуга, так и быть, простит вам этот долг.

Только сейчас Ли Мэн заметил стоявшего рядом мужчину — того самого, что держал

злополучный бамбуковый шест.

Широкие поля бамбуковой шляпы скрывали его лицо, но мощный, крепкий силуэт был слишком хорошо знаком юноше. Сделав невольный шаг назад, он тихо, с явной робостью произнёс:

— Наставник...

Чжао Лои лишь сухо обронил короткое «хм». Даже не взглянув на ученика, он заложил руки за спину и небрежным движением швырнул шест на дно лодки. От этого удара судёнышко ощутимо качнулось.

— Приветствую почтенных шишу! — Шуфэн, которому наконец удалось протиснуться сквозь толпу на пристани, подбежал к лодке и почтительно сложил ладони в приветствии.

Хо Ляньюнь шутливо, но довольно крепко хлопнул его по плечу. Не ожидавший этого Шуфэн покачнулся и едва не растянулся на досках пристани на глазах у изумлённых прохожих. Натянута улыбка на его лице на миг дрогнула. Понимая, что его собственного учителя рядом нет и заступиться за него некому, он поспешно вернул себе благообразный вид и вежливо произнёс:

— Мы с Ли Мэном знали, что прибывает Четвёртый шишу, но не ожидали встретить и Второго шишу Хо. В письме говорилось, что вы будете только к полудню, поэтому мы даже не успели подготовить для вас достойные дары...

— Оставь эти дешёвые рыночные безделушки для своих остальных наставников, — небрежно отмахнулся Хо Ляньюнь, рассмеявшись.

— Да-да, Второй шишу прав, я проявил непростительную глупость, — поспешно закивал Шуфэн.

Стоявшего в стороне и погружённого в свои мрачные думы Ли Мэна внезапно кто-то бесцеремонно хлопнул по плечу, отчего тот испуганно вздрогнул.

Хо Ляньюнь, весело щурясь, покосился на безмолвного Чжао Лои.

— Не обращай внимания на своего учителя. У него всегда такой вид, словно он похоронил всю свою родню. Чего его бояться?

Словно нарочно дразня своего спутника, маркиз принялся во всеуслышание рассуждать о том, что сегодня же вечером непременно отведёт племянников в самый роскошный весёлый дом Линьчжоу, дабы те наконец приобщились к взрослым радостям.

Ли Мэн то и дело бросал робкие, тревожные взгляды на Чжао Лои. Тот безучастно осматривал окрестности порта, упорно игнорируя ученика. Хо Ляньюнь тем временем придвинулся ещё ближе. Сердце Ли Мэна забилося как сумасшедшее, а уши запылали так, словно к ним прижали раскалённое железо. Крепко сжав кулаки, он отчаянно боролся с внезапным, глупым желанием высказать маркизу всё, что накопилось у него на душе.

— Послушай, старый сухарь, — капризно протянул Хо Ляньюнь, обращаясь к Чжао Лои. — Когда ты наконец отведёшь меня к нормальному лекарю? Твои шарлатанские припарки никуда не годятся! Не забывай, я вообще-то благородный маркиз, и Линьчжоу — моя территория. Если не поможешь, я прикажу страже бросить твоего ненаглядного ученика в темницу.

— А Второй шишу и Четвёртый шишу действительно близки, — тихо шепнул Шуфэн, пряча ладони в широкие рукава. Он с нескрывемой завистью наблюдал за тем, как Хо Ляньюнь, оставив в покое Ли Мэна, теперь практически полностью навалился на плечо безразличного Чжао Лои.

Ли Мэн почувствовал, как краска сбегает с его лица. Он не проронил ни слова.

Шуфэн молчал недолго. Вскоре он снова увлечённо заговорил о прелестях весёлых кварталов, попутно подшучивая над тем, что Ли Мэну пошёл уже шестнадцатый год, а он до сих пор не познал женской ласки. Однако его весёлый смех доносился до юноши словно сквозь толщу воды.

В мыслях Ли Мэна неотступно стоял образ Хо Ляньюня: его яркие, чувственные губы и безупречные черты лица. Юноша чувствовал странное ошеломление, граничащее с лёгким головокружением, но так и не решился обернуться. Ему оставалось лишь угрюмо шагать вперёд под бесконечное щебетание своего спутника.

<http://bllate.org/book/18266/1756679>